

Гарсиа Маркес терпеть не может конгрессы и галстуки

Инна ВАСИЛЬКОВА, «Известия»

«Больше всего на свете я ненавижу славу, телевидение, конгрессы, конференции, «круглые столы» и галстуки», — признался нобелевский лауреат Габриэль Гарсиа Маркес, которому на днях исполнилось 65 лет.

«Самое отвратительное, что мои книги сегодня продаются, как сосиски, а из меня всюду, где бы я ни появился, стараются сделать шоу. Нет, такой славы я бы не пожелал никому!», — с горечью говорит автор «Ста дней одиночества».

«Нобелевская премия — это для меня настоящая морока. Не скрою, я был уверен, что мне ее рано или поздно дадут, но не раньше, чем к 90-летию. Первое, что я себе сказал, получив эту престижную награду, что, по сути дела, ничего ни во

мне, ни в моей жизни не изменилось и я остался таким же, как прежде. Но публика никак не хочет этого признавать. Несмотря на все мои усилия, мне не удалось добиться, чтобы со мной обращались так же, как прежде. Это поразительно, как ты сразу меняешься в глазах окружающих. Но я вам клянусь, что ничуть после этого не изменился, не стал ни лучше, ни хуже. В довершение ко всему теперь я нигде не могу появиться без галстука, который я терпеть не могу. Но иначе ведь

скажут, что вот, мол, зазнался, может теперь позволить себе появиться на людях в чем угодно».

Единственная привилегия, которую дает Нобелевская премия, заключается в том, что она избавляет от необходимости становиться в очередь. Тебе все принесут даже раньше, чем ты об этом подумаешь, говорит Маркес.

С точки зрения автора «Осени патриарха», распад Советского Союза и крушение социализма — это одно из самых главных событий XX века. «В конце 50-х — начале 60-х годов я побывал во многих социалистических странах в качестве репортера, — рассказывает писатель. — И уже тогда чувствовалось: что-то здесь должно произойти. Это был режим, по-

строенный на догмах и полном отсутствии свободы». Однако, продолжает он, «все развалилось так быстро и окончательно, что мир даже не успел опомниться».

«Что будет дальше с Россией, с бывшим Советским Союзом — трудно предсказать. Я вижу великий «исход» из этих стран, как об этом говорилось в Библии, массовую эмиграцию. Однако Запад будет не в силах ни остановить это бегство, ни принять всех желающих».

«...Я рискую показаться сумасшедшим, если скажу, что через шесть лет, возможно, не будет и Соединенных Штатов. Мир подошел сегодня к критической точке своего развития, когда все стало возможным».

МЕХИКО.